

Ф.И. Елисеев

Последние бои на Кубани. Капитуляция Кубанской армии.

В этом разделе собраны публиковавшиеся в различные годы статьи и воспоминания, относящиеся к февралю-марту 1920 года и описывающие последние бои кубанских полков, отход Кубанской армии в район Сочи и Туапсе и её капитуляцию.

Отход от Маныча (в 1920 году). Описываются последние бои 1-го и 2-го Кубанских корпусов в конце февраля 1920 года.

Трагедия Кубанской армии. Отступление казачьих войск к черноморскому побережью, бои с “зелеными”, получение ультиматума большевистского командования.

Кубань в огне. Совет командования Кубанской армии, принятие решения о капитуляции, надежды на пароходы из Крыма.

Агония Кубанской армии. Последние надежды на продолжение борьбы. Казаки складывают оружие. Аресты и расстрелы казаков и офицеров.

Ф.И. Елисеев

ОТХОД ОТ МАНЫЧА (В 1920 ГОДУ)

После жестоких боев под Торговой все части войск отходили на юго-запад, к железнодорожному узлу Тихорецкой. Под селом Белая Глина Ставропольской губернии произошла катастрофа в 1-м Кубанском корпусе.

О гибели всего штаба 1-го Кубанского корпуса и генерала Крыжановского пишет начальник 20-й стрелковой дивизии Майстрах следующее: “21-го февраля (нов. стиля) поездной состав штаба 1-го Кубанского корпуса стоял на станции Белая Глина. Тут же были и два бронепоезда. По получении донесения о нахождении в тылу красной конницы штаб корпуса и бронепоезда двинулись на Тихорецкую, но путь был уже перехвачен красными, и у взорванного моста поезда застряли. Скоро на них вышла конница Буденного — 4-я и 6-я дивизии. Сгоряча командир 2-й бригады Мироненко повел части своей бригады в атаку на бронепоезда. Атака была отбита командами бронепоездов и присоединившимися к ним офицерами штаба корпуса. Мироненко и командир 35-го полка были убиты. Конница отхлынула. Тогда по приказанию Буденного, прибывшего к месту боя, были вызваны на открытую позицию конные батареи, начавшие бить прямой наводкой по белым. Держаться далее в бронепоездах было нельзя. Вооружившись винтовками, штаб корпуса и команды бронепоездов, с генералом Крыжановским и инспектором артиллерии генералом Строчинским³² во главе, по занесенному снегом полю стали отходить от железнодорожного полотна. Они сразу же были окружены красной конницей. Несмотря на совершенно безвыходное положение, белые не сдавались и старались пробиться в степь. Конные атаки красных встречались и отбивались выдержанным залповым огнем. Красным хотелось захватить окруженных живыми, но после того, как несколько атак было отбито и они (красные) понесли большие потери, пришлось отказаться от этой мысли. Конница отошла, а вперед были выдвинуты пулеметные тачанки, открывшие огонь по кучке белых. В 2 — 3 минуты пулеметный огонь скошил всех. Тогда вновь бросилась конница и зарубила тех, кто был еще жив. С генералом Крыжановским погибло около 70 офицеров”, — заканчивает Майстрах.

Сводка штаба Донской армии, “по горячим следам”, как подчеркнуто, повествует: “9-го февраля, после неудачи пробиться из села Песчанокопской на Белую Глину, 2-я³³ и 3-я³⁴ Кубанские пластунские бригады отошли на село Ново-Покровское Ставропольской Губернии, а потом на станицу Успенскую. С 6-ю орудиями они сосредоточились в станице Кавказской. Все имущество 1-го Кубанского корпуса попало в руки красным”.

Стоял крепчайший мороз. Все занесено глубоким снегом. Под давлением противника 2-й Кубанский конный корпус отступал южнее железнодорожного полотна, параллельно 1-му Кубанскому корпусу, не имея с ним живой связи по удаленности расстояния. У села Красная Поляна, на походе 9 февраля (старого стиля. — Ф. Е.), хвост 2-й Кубанской дивизии 2-го корпуса неожиданно был атакован конницей Буденного во фланг со стороны Белой Глины. Атака была отбита, но дивизия потеряла раненым генерала Фостикова. На ночь корпус отошел в село Кулешовка. 10 февраля корпус перешел границу Ставрополя и остановился в станице Успенской. Только здесь штаб корпуса узнал о катастрофе 1-го корпуса. Железнодорожный узел станции Кавказская стоял под угрозой налета на него красной конницы. Пробыв в большой и богатой станице Успенской три часа, корпус сделал 30 верст на юго-запад и на ночлег остановился в станице Дмитриевской. 11 февраля, повернув на юг, все восемь полков с артиллерией, до 3000 боевых шашек,

расположились по квартирам в станице Кавказской, главном военно-административном центре Кавказского отдела Кубанского войска. Здесь в состав корпуса вошли остатки пластунских бригад 1-го Кубанского корпуса, которые пополнились казаками ближайших станиц. Произошел сполох. Пополнились казаками 1-й35 и 2-й36 Кавказские полки этого отдела. Самостоятельно образовалось три партизанских станичных отряда, под начальством своих офицеров, каждый силою до 150 шашек — Успенский, Темижбекский и Кавказский. В станицу по Красной улице, с молодецкими песнями, “чеканя ногу”, вошла рота “желтых гренадер” какого-то “Легиона чести”, составленного из экспедиционного Русского Корпуса во Франции во время Великой войны и теперь прибывшего на родину. Корпус окреп и, можно сказать, безмятежно отдыхал. Было полной неожиданностью, когда 16 февраля ночью, задолго до рассвета, станица была обстреляна с севера шрапнельным огнем. По тревоге все восемь конных полков сосредоточились на широком выгоне западнее станицы. Оказалось, что железнодорожный узел Кавказская занят пехотой красных. По неизвестным причинам эта пехотная группа с рассветом оставила хутор Романовский и стала отходить на север. Выброшенный в преследование 1-й Лабинский полк37 конной атакой во фланг пленил ее полностью. По донесению командира корпуса генерала Науменко в Екатеринодар, в приказе по Кубанскому войску от 20 февраля, № 70, было указано: “Пленены полностью 343-й и 344-й стрелковые полки, 5 орудий и 18 пулеметов 39-й дивизии”. Окрыленный успехом и пополненный казаками, 20 февраля корпус перешел в наступление на север и, после упорного боя, занял станицу Дмитриевскую, в 25 верстах от Кавказской.

21 февраля на рассвете три цепи красных неожиданно подступили к Дмитриевской. Конная бригада Курьшки уже охватила станицу с востока. Выброшенные вперед по тревоге полки перешли в контратаку. Сильная Лабинская бригада обрушилась на пехоту, сломала их цепи и пленила полностью свыше 2000 стрелков. Пулеметные линейки и орудия успели ускакать в Ильинскую. То была 32-я стрелковая дивизия. Конница Курьшки, видя гибель своей пехоты, повернула назад в Ильинскую. Начались переменные бои за станицу Ильинскую, в 7 верстах севернее Дмитриевской, которая несколько раз переходила из рук в руки.

25 февраля на рассвете красная пехота вновь неожиданно появилась под Дмитриевской. Полки корпуса не успели занять, по Диспозиции, свои места и оставили станицу. 26 февраля 2-я Кубанская дивизия весь день вела бой за переправу на реке Челбасы, в 12 верстах от железнодорожного узла станции Кавказская, при хуторе Романовском (теперь город Кропоткин), и с темнотою отошла в Романовский, где и сосредоточился весь 2-й Кубанский корпус генерала Науменко и пластуны.

27 февраля едва начался рассвет, как с северных бугров затрещал по хутору огонь красных. Выброшенные вперед 2-я и 4-я Кубанские казачьи дивизии корпуса обнаружили: все ровное поле, от хутора Романовского до станицы Кавказской, шириной в 7 верст, заполнено цепями красной пехоты с многочисленными пулеметами на линейках и с конными группами на флангах. Борьба являлась бесполезной. Генерал Науменко приказал дивизиям отходить на запад, в станицу Казанскую.

С оставлением железнодорожного узла станции Кавказская терялась живая и телеграфная связь с 4-м Кубанским конным корпусом38 под Ставрополем, с Терским войском и всем Терско-Дагестанским краем. Дальше — отход за Кубань, в горы, к Черному морю, где и закончила свое существование Кубанская армия. Генералу Науменко, живущему недалеко от Нью-Йорка, — словно рапортом — даю отчет как единственный оставшийся в живых командир полка его корпуса.

Ф.И. Елисеев

ТРАГЕДИЯ КУБАНСКОЙ АРМИИ

1970 году эмиграция отметит печальную страницу 50-летия гибели - трагедию Кубанской армии на Черноморском побережье в апреле 1920 года. Это очень тяжелый и щепетильный вопрос. На него могут быть разные точки зрения. И я не пожелал омрачать память старших генералов, от кого это зависело. Описать же точно мог лишь тот, кто пережил эту жуткую трагедию. Я ее пережил, оставшись с казаками; и из старших офицеров, разделивших участь армии, только мне одному, через один год времени, удалось бежать за границу, из Сибири в Финляндию, рискуя жизнью.

Что же предшествовало капитуляции Кубанской армии? Военные авторитеты должны были бы признать, что с падением кривой линии боевого фронта Киев—Курск—Орел—Касторная—Воронеж—Камышин до самого Царицына — перелом военного успеха остался за красными. Это был октябрь—ноябрь 1919 года. К этому времени почти полностью были ликвидированы “белые фронты” — Северо-Западной армии генерала Юденича, наступавшего на Петроград, Северной армии генерала Миллера от Архангельска и Мурмана. Отошли далеко на восток в Сибири армии адмирала Колчака. Погиб и сам Колчак. По всем данным можно было осознать, что мы проиграли войну против красных, но этого открыто сказать и признать, конечно, никто не мог.

Для того чтобы читатель мог понять, как и почему Кубанская армия попала в затруднительное положение на Черноморском побережье надо осветить обстановку по официальным и авторитетным источникам того, что я сам видел и пережил. Беру выписки из журнала “Кубанский исторический и литературный сборник” генерала В.Г. Науменко № 14, за январь—февраль 1962 года, выпущенный в Америке. Генерал Науменко был тогда командиром 2-го Кубанского конного корпуса, в который входил 1-й Лабинский полк под моим командованием. Он пишет: “Заблаговременно, директивой Главнокомандующего генерала Деникина, предусматривался отход Добровольческого корпуса, Донской и Кубанской армий на Новороссийск и Туапсе. В этих обоих пунктах должны были быть заготовлены запасы продовольствия и всего необходимого для войск, а также морские перевозочные средства, на случай необходимости эвакуации. 4 марта 1920 года большевики заняли Екатеринодар, переправились на левый берег Кубани и после боя 7 марта у аула Тохтамукай разрезали войска Юга России на две части”.

Здесь я уточняю: от Донской армии был отрезан 4-й Донской конный корпус генерала Старикова и Кубанская группа генерала Шифнер-Маркевича из корпуса генерала Топоркова, которые имели задание держать фронт от Усть-Лабинской станицы на запад, до Екатеринодара. В силу этого эти части повернулись на юго-восток, чтобы кружным путем двигаться на Туапсе. По этому же направлению к Туапсе двигались — войсковой атаман генерал Букретов со штабом, с Кубанским правительством, с членами Рады, военное училище, Атаманский полк, как конвой атамана, учебные части конницы и пластунов и другие войсковые подразделения.

Согласно директиве, пишет генерал Науменко, “на Туапсе должны отходить — 4-й Кубанский конный корпус генерала Писарева (донской казак), куда входили — 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева и Черкесская конная дивизия⁸⁸ генерала Султан-Келеч-Гирея⁸⁹ — и 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко”. “4-й корпус дрался в районе Ставрополя, а 2-й корпус прикрывал Кавказский жел.-дорожный

узел, — так пишет генерал Науменко и продолжает: — Вечером 7 марта, накануне соединения 2-го и 4-го Кубанских корпусов, генерал Писарев получил через летчика приказание Командующего Кубанской армией генерала Улагая: “Туапсинской группе войск переменить направление и отходить не на Туапсе, а на Тамань”. Такое же приказание получил командир 4-го Донского корпуса от своего Командующего генерала Сидорина”.

Мы, командиры полков, совершенно ничего не знали, что делается вне своих частей. 8 марта со своим 1-м Лабинским полком я занимал позицию у хутора Ерыгина, на левой стороне реки Белая, Майкопского района. Ко мне прибыл генерал Науменко и рассказал об этом распоряжении, добавив, что распоряжение запоздало, Екатеринодар в руках красных, путь на полуостров Тамань отрезан и корпуса будут отходить на Туапсе. Здесь, у хутора Ерыгина, в то же утро мы с генералом Науменко встретили головной разъезд 4-го Донского корпуса, и начальник его, сотник Попов, доложил генералу, что в корпусе 18 тысяч казаков, но настроение людей подавленное.

В станице Хадзыжинской, узел дорог перед Гойтхским перевалом, соединились все корпуса и “Правительственный отряд” атамана Букретова. Здесь нас ждал жуткий “сюрприз”... Оказывается — вся Черноморская губерния, от грузинской границы и до самого Геленджика, занята “зелеными”. Наши предполагаемые интендантские базы в Туапсе и Сочи, оказывается, давно были в их руках. Наш путь отхода в Грузию был отрезан. В полках ни фуража для лошадей, ни хлеба для казаков. Обнадеженные словами высших начальников, что “мы идем в Грузию” и что во всех портах, естественно, заготовлены запасы для довольствия войск, весь Черноморский флот в распоряжении Ставки — кто бы мог подумать, что три конных корпуса казачьих войск, с пластунами, артиллерией, десятками тысяч беженцев, попадут в такую западню?!

У полотна железной дороги, перед самым Гойтхским перевалом, лежит боком бронепоезд, весь изрекошетированный пулями. “Что это?” — спрашиваю я генерала Науменко. “А это работа Шкуро и Шифнер-Маркевича. Вся Черноморская губерния занята “зелеными”, и они, со своими полками, очищают от них Туапсинский район для подошедших корпусов”, — ответил он. Здесь только я впервые узнал о “зеленых”, отрезавших нам путь отхода в Грузию. Не буду писать о своем личном удивлении и возмущении. “Перейдя реку — оставь мосты за собою”, — поучал генерал Суворов, а здесь... три конных корпуса отходят “на заблаговременно предусмотренные базы самую Ставку”, как пишет генерал Науменко в № 14, но базы захвачены противником.

“А Вам, Елисеев, для обеспечения правого фланга Шкуро—Маркевича — с полком немедленно выступить вперед, пройти Гойтхский перевал, повернуть на север, выбить “зеленых” с перевала у Лысой горы, спуститься вниз и занять село Кубанской области Садовое, где и ждать новое распоряжение”, — закончил он.

С полком прошел Гойтхский перевал. К ночи достиг вершины перевала у Лысой горы. Он совершенно безлесый, потому и назван “лысый”. Полк заночевал в снегу. Наутро спустились вниз. Дремучий лес, охвативший дорогу своими широкими ветвями. Полк идет словно в туннеле. Впереди затрещали выстрелы. Две спешенные сотни казаков рассыпались по густым кустарникам между вековых дубов. Идет бой, но противника не видно из-за густоты леса. “Вперед без выстрелов!” — кричу-командую, и с обоими своими помощниками и полковым адъютантом бросились к цепям.

Садовое село занято. В нем никого из жителей. У околицы лежит убитый лицом вниз. Пуля догнала его в спину. Село, как горное, малое. В нем, в скирдочках, душистое

полевое зеленое сено. В маленьких амбарчиках на сваях полно кукурузы в кочанах. Казаки быстро нашли белую кубанскую муку, немного печеного хлеба и другое съестное. Захвачен гурт рогатого скота, свыше двадцати голов. Полк обогатился фуражом и продуктами. Сыты казаки и лошади после голодовки, но это стоило дорого полку: убиты 4-й сотни сотник Веприцкий и один казак; убиты наповал, в головы.

Полк сильный — до 700 шашек и 26 пулеметов “максим” на линейках. Мы готовы были с радостью оставаться здесь много дней, как наутро прибыл ординарец с приказанием генерала Науменко: “Шкуро занял Туапсе и расширяет свой плацдарм на север и на юг. Полку немедленно же вернуться назад по тому же пути и расположиться биваком у восточной стороны Гойтхского перевала, при штабе корпуса”.

Генерал Науменко приказал мне, с 1-м Лабинским полком, расположиться у восточного начала Гойтхского перевала через Кавказский хребет, разделяющий Кубанскую область с Черноморской губернией. Здесь узкое ущелье, громоздкие горы и сплошной лес. За отсутствием построек полк расположился в лесу. Моросит мелкий нудный дождь. С неба падают мокрые снежинки. В природе стало холодно.

С утра 14 марта по шоссе, мимо нас, потянулся вверх, на Гойтхский перевал, 4-й Донской конный корпус. Мы вначале с любопытством рассматривали его колонну, идущую “потри”, еще на неизъезженных крупных донских конях. Крупного роста были и сами казаки, давно не бритые, уставшие и молчаливые. Они идут и идут, совершенно не обращая внимания на нас, видимо погруженные в свои невеселые думы. Уже настало и обеденное время, а колонна безостановочно двигается вперед, и, казалось, ей не будет конца. Это проходил знаменитый Мамантовский корпус, который, в своем прорыве красного фронта, так прославился в 1919 году, имеющий теперь в своих рядах 18 тысяч казаков. И только к вечеру того же дня мимо 1-го Лабинского полка — прошел “хвост” корпуса, растянувшись по шоссе длинною кишкою колонны верст на двадцать пять. И словно для сценария, скоро показалась голова новой конной колонны. То шел уже иной поток всадников — горячих, нервных, в другом одеянии, на иных лошадях. Это шла Черкесская конная дивизия генерала Султан-Келеч-Гирея.

Пропустив мимо себя все части, 2-й Кубанский конный корпус двинулся вслед за ними, став арьергардом всей Кубанской армии и 4-го Донского корпуса. 2-я Кубанская казачья дивизия заняла позиции западнее Гойтхского перевала, у станции Кривянка, а 4-я дивизия — в районе Туапсе. 25 марта 4-я дивизия была вытеснена красными из Туапсе, наступавшими с севера, отрезав путь отхода к морю 2-й дивизии, к Туапсе, до которого было 25 верст. В узком ущелье, и неожиданно, 2-я дивизия была атакована огнем красной пехоты с трех сторон. Без дорог, она бросилась в лесную чащу на юго-запад. К ночи достигла вершины кряжа и, не зная боевой обстановки, заночевала на оголенном от леса плато.

Наутро дивизия двинулась на юг, по лесной тропе, которая упиралась в горный ручей, и потерялась. Войдя в ручей, голова колонны, 1-м Лабинским полком, двинулась по его руслу, текущему на запад, в Черное море. 1-й90 и 2-й91 Кубанские полки ночью оторвались от Лабинской бригады и ушли в тыл, к штабу корпуса, от которых генерал Науменко узнал о событиях вчерашнего дня. Штаб дивизии он встретил недружелюбно, разцукал начальника дивизии полковника С.С. Жукова⁹², отрешил его от должности и вторично назначил меня, с заданием “собрать дивизию и привести ее в порядок”.

До самого города Сочи 2-й Кубанский корпус генерала Науменко неизменно находился в арьергарде. По сдаче Сочи, со 2-й Кубанской казачьей дивизией я вошел в подчинение

командира Пластунского корпуса, генерала Морозова (Николая Аполлоновича). Он был офицером Генерального штаба, по рождению — не казак.

Туапсе было занято 12 марта. 14 марта туда из Крыма прибыл командующий Кубанской армией генерал Улагай. “15 мая 1920 года, в Туапсе, в гостинице “Европа”, состоялось совещание Кубанского атамана, командующего Кубанской армией и наличного в Туапсе командного состава”, пишет генерал Науменко в своем Кубанском сборнике № 15. Всего 19 высших чинов Кубанской армии и 4-го Донского корпуса, среди коих было 14 генералов, 4 полковника Генерального штаба и председатель Кубанского правительства В. Иванис⁹³. Генерал Науменко почти стенографически записал это совещание, которое было помещено в журнале “Казачьи Думы”, от 15 февраля 1924 года, выпускаемом атаманами Дона, Кубани и Терека в Софии, Болгария.

Председательствующий атаман Букретов поставил вопрос: “Ввиду сложившейся обстановки, необходимо выяснить взаимоотношения и обсудить дальнейший образ действий”. Главные вопросы были: 1. Наладить добрые взаимоотношения со Ставкой в Крыму. 2. Короткими ударами на Кубань достать продовольствие для Армии и 3-е. Куда отходить — в Крым, или Грузию? Первый вопрос был решен положительно. Второй — невозможно пробиться в богатые станицы и 3-тий — одиннадцатью голосами решено — отходить в Грузию. Обстановка же была такова, как пишет генерал Науменко: “По невылазной грязи раскисшей дороги шли повозки, наполненные разным беженским хламом, начиная от корзин и чемоданов и кончая кроватями, пружинными матрацами, мебелью, швейными машинами и пр. Вперемешку с войсковыми обозами, везшие фураж и огнестрельные припасы, двигались экипажи с дамами в изящных костюмах, с собачками и кошками. Особенным изобилием дам выделялась какая-то ремонтная комиссия, имевшая до 15 повозок, наполненных дамами и кавалеристами, с массой баулов и чемоданов.

Наряду с казаками, ехали верхом на лошадях сестры милосердия и просто дамы в мужских и женских костюмах. Здесь же плелись табуны донских лошадей, едва передвигавших ноги, и стада калмыцкого бурого скота. Тянулись обозы калмыков с женщинами и детьми с их убогим скарбом. Все шло вперемешку с войсковыми обозами и орудиями.

Солома, кукурузные стволы, соломенные крыши, сухие листья, молодые побеги деревьев, лоза, кора с деревьев — все было съедено. Казаки обшаривали все укромные уголки, извлекая оттуда зерно, семечки, пшеницу, сухие груши, и все это поедалось лошадьми. Лошади, выпущенные на свободу, уныло ходили по улицам города и окрестным горам, отыскивая пищу. Они, с голоду, падали десятками. Дороги Туапсе—Сочи, представляли собою лошадиное кладбище. Конские трупы валялись тысячами”.

Это пишет командир корпуса, генерал Науменко, по высокой должности все же не так близко соприкасавшийся со своими частями. Мы же, командиры полков, коих главная забота была о продовольствии своих частей, видели, знали и страдали, естественно, острее, чем высшие начальники. И несмотря на это, среди казаков ни ропота, ни непослушания своим офицерам не было. Все ведь ушли в горы добровольно! В любой станице на Кубани каждый казак, даже и офицер, утром мог не выехать в строй, когда отходил его полк на юг, к горам, и вернуться назад, в свою станицу.

Так, с арьергардными боями в течение месяца, полки отходили от Туапсе до Сочи; оставили и Сочи. Кстати сказать, бой за этот город вела 2-я Кубанская казачья дивизия под моим временным командованием и оставила город последней частью 1-го Лабинского полка, имевшего в своих рядах уже более 1000 шашек при 26 пулеметах. Беженцы казаки-

лабинцы все время вливались в свой родной полк. Так полки дошли до Адлера, как прошел слух “о каком-то перемирии с красными”, чему казаки совершенно не поверили.

Разберемся в создавшемся положении по разным источникам. Кубанская армия была прижата к Черному морю с 4-м Донским конным корпусом от Хосты и до грузинской границы по шоссе и окрестностям, на пятачке в 25 верст по птичьему полету территории, где скопилось до 60 тысяч войск и беженцев, главным образом конницы, без фуража и продуктов питания. Положение было катастрофическим.

Представитель английского командования, присутствовавший при переговорах Кубанского атамана генерала Букретова, начальника его штаба полковника Дрейлинга⁹⁴ и председателя Кубанского правительства Иваниса в Гаграх 15 апреля, высказался решительно против насильственного перехода Кубанской армией границы Грузии и пригрозил, что в случае осуществления казаками подобного плана “Великобритания не только что откажет в своей помощи кубанцам, но решительно воспрепятствует осуществлению этого намерения.

Начальник штаба всех войск, находившихся тогда на Черноморском побережье, полковник Дрейлинг, на первом совещании в Адлере 16 апреля, на котором присутствовали атаман Букретов, военный министр Кубани генерал Болховитинов⁹⁵, командир 4-го Донского корпуса генерал Калинин, генерал Шифнер-Маркевич и председатель правительства Иванис, доложил о тяжелом положении строевых частей, которых числилось 47 тысяч, а продовольственных запасов в интендантстве было всего лишь на один день. При таком катастрофическом положении Кубанский атаман Букретов и правительство решили заключить перемирие с красными, надеясь, что перевозочные транспорты из Крыма еще подойдут. Все это нам, даже и командирам полков, ничего не было известно, хотя слухи о каком-то “перемирии” с красными уже дошли до казаков.

18 апреля, желая узнать действительность, еду в Адлер, в войсковой штаб, и совершенно случайно попадаю на военный совет, о чем нам, державшим фронт, ничего не было сообщено. В зале гостиницы, где был штаб атамана Букретова, увидел свыше пятидесяти штаб-офицеров и четырех генералов: Кубанского войска генерала Шифнер-Маркевича и командира Кубанского пластунского учебного батальона генерала Сидоренко, а от Донского корпуса — генералов Секретева и Голубинцева. За длинным столом сидели только генералы, все остальные стояли в полном молчании. Скоро появился атаман Букретов, в сопровождении своего начальника штаба. Генерал А.В. Голубинцев атаманом Букретовым был назначен членом комиссии от 4-го Донского корпуса, для ведения переговоров о перемирии с красным командованием, в которую вошли полковники Дрейлинг, как начальник штаба всех войск на Черноморском побережье, и председатель Кубанского правительства В.Н. Иванис.

“Господа офицеры”, — скомандовал Шифнер-Маркевич. Из этого я понял, что одним из главных лиц военного совета является он, но не генерал-лейтенант Секретев, заменявший командира 4-го Донского корпуса. Скорым шагом, пройдя толпу штаб-офицеров, Букретов занял председательское место. Левее его сел полковник Дрейлинг. Его, Дрейлинга, я вижу впервые. Он высокий, стройный, с рыжею подстриженною бородкой. Он очень грустный. Все мы молчим. Встал атаман и коротко сказал следующее: “Господа... Кубанская армия находится в тяжелом положении. Случайно мы вошли в связь с красным командованием против нас, через генерала арьергарда Морозова, предложившим нам мир. Для выяснения этого мною был послан на фронт начальник штаба полковник Дрейлинг, который Вам и доложит обо всем”.

Сказал, показал жестом на Дрейлинга и сел на стул. Поднялся со стула Дрейлинг, почтительно сделал короткий поклон атаману, оперся пальцами рук на стол и стал читать “условия красного командования”, на которых может быть заключен “мир”. Слушали мы его и не верили своим ушам, насколько это было неожиданно и недопустимо для нас, фронту. Прочитав, Дрейлинг подчеркнул, что для ответа дано 24 часа времени.

Вот условия капитуляции для Кубанской армии: “1. Гарантируется свобода всем сдавшимся, за исключением уголовных преступников, которые будут подлежать суду революционного военного трибунала.

Гарантируется свобода всем сдавшимся, искренне раскаявшимся в своем проступке и выразившим желание искупить свою вину перед революцией поступлением в ряды Красной Армии (так написано в тексте с заглавными буквами. — Ф. Е.) и принятием активного участия в борьбе с Польшей, посягнувшей на исконные русские территории.

Инициаторам и руководителям восстаний — свобода не гарантируется. Они подлежат или привлечению в трудовые батальоны, или заключению в концентрационные лагеря до конца Гражданской войны, и только в виде особой милости они могут быть допущены в ряды Красной Армии.

Все огнестрельное оружие и шашки — подлежат сдаче. Кинжалы могут быть сохранены под честное слово с тем, что они не будут обращены против советской власти и отдельных ее представителей.

Содействие возвращению на родину будет оказано, поскольку позволяют разрушенные войной пути.

Гарантируется неприкосновенность личности всем, согласно пунктам 1 и 2. Неприкосновенность имущества гарантируется всем, живущим своим трудом, не принадлежащим к классу эксплуататоров.

На ответ дается двенадцать часов, считая срок с момента получения настоящих условий, после чего, при неполучении удовлетворительного ответа, военные действия будут возобновлены с удвоенной энергией. Ни в какие мирные переговоры представители командования тогда вступать не будут. Условия будут считаться нарушенными, если хоть один человек, после получения условий перемирия, будет пропущен в Грузию или уедет в Крым. Командующий 9-й Советской Армией, Василенко. Член военно-революционного совета, Онучин. Передал условия военный комиссар 50-й дивизии, Рабинович”.

Вот этот ультиматум красных прочитал нам полковник Дрейлинг, с которым командиры частей должны были познакомиться свои полки. Дальнейшие переговоры нам не были известны, но после 12 часов ночи с 18 на 19 апреля, атаман Букретов получил от советского командования следующие разъяснения: “1. Все лица, которые производили без суда и следствия всякие расстрелы, грабежи и насилия, а также офицерство, состоящее на службе в рядах Красной армии и добровольно перешедшее на сторону войск командования южной России, считаются уголовными преступниками. 2. Всем, добровольно сложившим оружие, гарантируется жизнь и свобода. Разрешается разъехаться по домам всем казакам, гражданским лицам и беженцам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме привлеченных по пунктам 1 и 2

условий, продиктованных военно-революционным советом 9-й армии 1 мая (18 апреля по старому стилю) сего года. 3. Третий пункт остается без изменений, согласно тех же условий. 4. Кинжалы, серебряные шашки и дедовское холодное оружие остается на руках, при условии круговой поруки, что это оружие не будет обращено против Советской России. 5. Пятый пункт остается без изменений. 6. Все собственные вещи, деньги офицеров и казаков, не подлежат отобранию, кроме приобретенных нелегальным путем. Срок ответа не может быть изменен, согласно условий военно-революционного совета 9-й армии. Срок мирных переговоров кончается 2 мая (19 апреля старого стиля), сего года, в 4 часа 15 минут (утра). К означенному сроку Вам надлежит дать определенный ответ. Подписали: Начальник дивизии Егоров. Военный комиссар дивизии Сутин. 2 мая (19 апреля ст. ст.) 1920 г. 00 часов 40 минут (т. е. 40 минут после полуночи. — Ф. Е.).

Красное командование 19 апреля по телефону предложило генералу Морозову прислать к ним парламентаров для обсуждения технических вопросов капитуляции, но члены комиссии, полковник Дрейлинг, председатель правительства Иванис и генерал Голубинцев, отказались. Вопрос о капитуляции повис в воздухе. “Перемирие”, о котором трактовалось, чтобы затянуть время в надежде прихода транспортных средств из Крыма для переброски частей войск туда, сорвалось. Атаман Букретов поручил генералу Морозову вести лично переговоры с красным командованием, фактически прервав с ними связь.

Елисеев Ф.И.

КУБАНЬ В ОГНЕ

Наш штаб дивизии молчит. 18 апреля на дачном фаэтончике — кем-то брошенном и “подобранном” моими людьми — еду в Адлер и случайно попадаю на совещание старших командиров. Председательствует атаман Букретов; от 4-го Донского корпуса присутствуют генералы Секретев и Голубинцев, от Кубанского войска — генералы Шифнер-Маркевич и Сидоренко. Все они сидят за столом, а вокруг них — около сорока кубанских полковников.

Атаман встает и говорит: “Господа, Кубанская армия находится в тяжелом положении. Случайно мы установили связь с командованием красных, действующих против нас, и их командование через посредство генерала Морозова, который возглавляет наши арьергардные части, предложило нам мир... Для выяснения условий красных был отправлен для переговоров начальник штаба всех наших войск, полковник Дрейлинг, который сейчас и доложит вам обо всем”.

Поднялся Дрейлинг и начал читать условия мира:

“1. Гарантируется свобода всем сдавшимся, за исключением уголовных преступников, которые будут подлежать суду революционного военного трибунала.

Гарантируется освобождение от всякого преследования всем сдавшимся, искренне раскаявшимся в своем проступке и выразившим желание искупить свою вину перед революцией поступлением в ряды Красной армии и принятием активного участия в войне против Польши, посягнувшей на исконные русские территории.

Инициаторам и руководителям восстаний свобода не гарантируется. Все огнестрельное оружие, шашки и кинжалы подлежат сдаче.

Содействие возвращению на родину будет оказано, поскольку позволят пути, разрушенные войной.

Гарантируется неприкосновенность личности всем.

На ответ дается двенадцать часов. Условия будут считаться нарушенными, если хоть один человек после получения условий перемирия будет пропущен в Грузию или уедет в Крым.

Подписи: командующий 9-й Советской армией Василенко, член военно-революционного совета Онучин”.

После 12 часов ночи с 18 на 19 апреля получил дополнительные разъяснения: “Всем добровольно сдавшим оружие гарантируются жизнь и свобода. Разрешается разъехаться по домам всем казакам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме привлеченных по пунктам 1 и 3”. Прочитав эти условия красных, Дрейлинг заявил:

— О сдаче армии не может быть и речи. Наша цель — затянуть переговоры на три-четыре дня, пока к нам не прибудут суда из Крыма для переброски туда.

Атаман предложил голосовать поименно. Все были против мира. “Надо с оружием в руках пробить грузинскую границу, войти в Грузию и там ждать суда из Крыма” — так было заявлено всеми штаб-офицерами, заявлено твердо.

Наступила гробовая тишина. “А вы, генерал, что скажете?” — обратился атаман к генералу Шифнер-Маркевичу. “Позвольте мне говорить сидя”, — ответил тот атаману Букретову, не титулуя его. “Пожалуйста, пожалуйста, генерал”, — разрешил атаман. В противовес своему обыкновению говорить быстро Шифнер сейчас с напряженным спокойствием четко произносит каждое слово, ни к кому не обращаясь и ни на кого не глядя:

— Война окончена. Надо ясно осознать, что мы побеждены. Денег и снарядов нет. Союзники колеблются, поддержать ли нас. Вести десятки тысяч казаков в неизвестность — нельзя. Наш священный долг старших начальников — насколько можно, безболезненно, бескровно спасти людей, не считаясь ни с чем. Крым также скоро должен пасть. Крым будет гораздо худшей ловушкой, чем там, в которой мы оказались здесь. Тем, кто в Крыму, условия сдачи, надо полагать, будут предъявлены более суровые, чем нам. Там уже не все спокойно. Там от лица офицеров выступил капитан Орлов — выступил против главного командования. И, по моему глубоко продуманному убеждению, ваше превосходительство (тут он поднялся со стула), наилучший исход таков: надо капитулировать.

Сказав это, он тяжело опустился на стул, достал из кармана платок и вытер выступивший на лбу пот.

Голоса протеста, оспаривавшие мнение Шифнер-Маркевича, зазвучали с такой силой, что атаман просил остепениться и обратился к Дрейлингу, чтобы тот повторил цель переговоров с красными. Скорбным голосом, со скорбным лицом, Дрейлинг еще раз сказал: “Цель переговоров — выиграть время, чтобы успели прийти транспорты из Крыма, на что потребуется два-три дня. Я сам красным не верю. В переговорах играю только техническую роль. Я ни за что не останусь здесь и уеду в Грузию или в Крым”. Генерал Сидоренко резко спрашивает атамана: “Каково же решение Совета?” Снова раздается голос Шифнер-Маркевича. Он подчеркивает: “Пафос Белой идеи казакам малопонятен. Война окончена. Губить людей нельзя. Казаки — народ простой. Они земледельцы, то есть, в сущности, крестьяне, и по отношению к ним красная власть особых репрессий не предпримет. А офицеры могут уехать самостоятельно, в одиночку. На пароходе “Бештау”, который стоит на рейде у Адлера, места для них найдутся. Время не терпит. И если сегодня же мы не дадим положительного ответа, красные перейдут в наступление. Прольется ненужная кровь, а результаты будут все те же, даже хуже. Мое мнение окончательное и категорическое: сдаваться”.

Слова генерала о том, что казакам пафос Белого движения непонятен, были оскорбительны для всего казачества. Еще более странным показалось мне последовавшее заключение атамана: “Ну, господа... делать нечего... Мы сдаемся. И ваша обязанность — теперь же ехать по своим частям и объявить это и уговорить их принять такое решение. Считаю заседание Военного совета закрытым”. Сказав это, атаман собрал со стола часть лежащих на нем бумаг и скорым шагом пошел к себе на второй этаж.

Я не верю, что Кубанская армия должна капитулировать. Я хочу убедиться еще раз и тут же из Адлера звоню на фронт генералу Морозову, которому я еще недавно был подчинен. Это он ведет переговоры с красным командованием. “Так ли это, ваше

превосходительство, будто армия капитулирует? Что же делать офицерам?” — спрашиваю его. И слышу категорический ответ: “Офицерам оставаться со своими казаками, так как отъезд офицеров будет расценен красным командованием как нарушение перемирия”.

Затуманилась моя головушка! Как же я должен объявить это своему храброму 1-му Лабинскому полку, после таких великолепных конных атак под Кавказской, где мы пленили две красные стрелковые дивизии со всем командным составом?

Я позвонил своему помощнику, полковнику Ткаченко, сказал, что приеду через час; прошу построить полк в резервную колонну, выслушать мое сообщение о том, что решено в штабе Кубанского войска. Сев в свой экипажик, выезжаю из городка с тяжелыми думами. Думы эти перебивает казак-кучер: “Господин полковник! Навстречу нам едет генерал Шифнер-Маркевич!” Выглянув из-за спины казака, вижу генерала на велосипеде в нескольких шагах. Соскочив, я расставил руки в стороны и остановил генерала. Вид его поразил меня. Он в той же серой черкеске, в которой я помню его, когда еще мы отступали из Воронежа. Полы черкески подоткнуты за пояс. Он весь в пыли и в поту. “А-а, Елисеев!” — восклицает он, остановившись.

— Откуда вы, ваше превосходительство, и в таком виде?

— Фу-т-ты... Только что уговорил 1-й и 2-й линейные полки Майкопского отдела, чтобы сдавались. Не хотят казаки оставаться... боятся красных, но, кажется, уговорил, — быстро, как всегда чуть заикаясь, пояснил он. Речь идет о полках его дивизии, с которыми он занял Гойтхский перевал, Туапсе, Сочи и вот теперь дошел до грузинской границы...

Он весь в поту и, сняв папаху, вытирает ею мокрую голову. Я спрашиваю его: неужели нет выхода? И он мне повторил все то, что сказал на собрании несколько часов назад. Еще добавил дружеским тоном, что офицерам надо бы оставаться с казаками. “А вы останетесь, ваше превосходительство?” — испытующе гляжу я на него. “Душа моя здесь, с казаками, но разум твердит: надо уезжать, — отвечает он с горькой усмешкой. — Знаю, что красные меня не помилуют за сотрудничество с генералом Шкуро”.

Пожав друг другу руки, мы расстались. Я больше не видел этого умного, доброго человека, показавшего себя в боях распорядительным и смелым генералом. Он умер на острове Лемнос в 1921 году, не дожив и до сорока лет.

Громадный четырехугольник резервной колонны 1-го Лабинского полка предстал передо мной — 1500 казаков. На фланге полка горят две пирамиды сухих поленьев, освещающая местность таинственным светом. Офицеры и казаки в черкесках, в черных папахах. Команда встречи, рапорт Ткаченко — и мое сообщение в полной тишине. Рассказываю все, что говорилось и что решили на совещании в Адлере. Заканчивая, бросаю в ночной темный строй полка: “Решено и приказано остаться на месте и ждать распоряжений о сдаче Кубанской армии перед силой Красной России”. Мертвой тишиной встречены мои последние слова. Молчат казаки, молчат и офицеры. В этой тишине, после паузы в несколько секунд, из задних рядов строя раздалось только: “А вы с нами останетесь?”

“Что это — упрек, просьба, испытание?” — пронеслось у меня в голове. Умел водить полк в победные конные атаки, а вот теперь — куда и как поведешь полк?! Выдержав паузу в несколько секунд, я протяжно, чтобы все услышали и поняли сразу, произнес только одно слово — “останусь!”. Показалось мне, что по рядам полка пронесся облегченный вздох.

— Прошу всех офицеров ко мне в комнату, а вам, братцы-казаки, разойтись по своим бивакам сотен.

В полку более 25 офицеров, большинство из урядников и вахмистров Первой мировой войны. Командир корпуса генерал Науменко благоволил к полку, предложил многих офицеров представить к производству в следующие чины и даже вахмистров и урядников произвести в прапорщики. Все женаты; жены — простые казачки. Казаки женятся рано, в 18 лет. У многих уже взрослые дети. Души офицеров и казаков остались в станицах... Полковник Ткаченко встал и решительно сказал: “Бросить полк и спасаться в одиночку — это стыдно и позорно!” Его поддержали громкие голоса.

19 апреля верхом на кобылице, на которой с боями отступал до этих трагических мест еще от Воронежа, опять скачу в Адлер узнать, что там слышно и придут ли корабли из Крыма. Надежд мало, говорят мне. Возвращаюсь в полк. Дорога из Адлера ведет на восток и под прямым углом упирается в шоссе от Сочи к грузинской границе. На перекрестке вижу хвост небольшой колонны — это штаб нашей дивизии с сестрами милосердия санитарной летучки. “Куда вы едете?” — спрашиваю, поравнявшись с последней линейкой. В ней сестра и кучер. “Не знаю... штаб дивизии впереди. Сказали нам, что идем в хутор Веселый за Адлером”. — “А полки дивизии тоже идут за штабом?” — недоуменно спрашиваю. “Да не знаю, полковник...” — отвечает сестра.

Ф.И. Елисеев

Агония кубанской армии

Я не верю в капитуляцию армии. На второй день скачу верхом в Адлер в надежде, что есть какие-то перемены к лучшему. Явился к атаману Букретову и заявил, что 1-й Лабинский полк, как и другие полки, не хотят сдаваться, могут и хотят пробиваться в Грузию и оттуда идти куда угодно, но только не сдаваться красным. Настроение именно такое и было в полках.

“Разве есть части, которые еще хотят драться? Я этого не знал. Но теперь поздно. Перемирие подписано, и никуда двигаться нельзя, иначе подведете других. И по всем этим вопросам теперь обращайтесь к генералу Морозову. Он находится на фронте”, — спокойно ответил атаман.

19 апреля ст. стилия было днем великого смятения. Весть о капитуляции облетела все уголки и ущелья, где ютились полки и беженцы, до 60 тысяч человек. Все сразу заворошилось. Все боялись “сдачи” и двинулись к Адлеру и за Адлер. Связь с частями и управление армией утеряны полностью. Все опустело в душах людей, жизнь, существование армии и ее частей утеряти свою цель. Все почувствовали: конец всему — и очень близкий и жуткий. У Адлера на рейде стоял пароход “Бештау”, весь облепленный казаками, словно мухи на меду.

Рано утром 20 апреля первый мой взгляд был брошен на Адлер с нашего хребтика горы. Глянул — и похолодело сердце. На море полная гладь и нет “Бештау”. Немедленно вновь скачу в Адлер. Там жуткая тишина. На дверях гостиницы, где происходил военный совет, большой лист бумаги и на нем крупными буквами: “Предлагается собраться (указано время) старшим начальникам для образования власти. Войсковой учебной батарее, полковник Сергей Певнев98”.

Я быстро нашел Певнева и от него узнал: “Атаман Букретов, ночью, выехал на пароходе в Батум. Все генералы и штабы уехали. Власти над Армией никакой. Чтобы не бросить воинские части в анархию, — надо образовать какую-то власть. И он, как старший полковник гарнизона Адлера, обращается с этим предложением”. Я отнесся к этому сочувственно. Я ждал “пароходов из Крыма”, обнадеживал на военном совете начальник штаба всех войск, полковник Дрейлинг. Но в тот же день был получен от генерала Морозова приказ такого содержания: “Завтра, 22 апреля, на грузинскую границу пройдет батальон красной пехоты для занятия постов. Частям все оружие — орудия, пулеметы, винтовки и револьверы — сложить в порядке у шоссе. Винтовки в “козлы”, а орудия и пулеметы в один ряд, и возле них не быть казакам. Казакам оставить при себе только холодное оружие, а офицерам — и револьверы. Всем снять внешние отличия (погоны), во избежание неприятностей при проходе батальона. Разрешается не снимать только боевые ордена Великой войны”. Ну, вот и конец, сказали мы, прочитав этот приказ. А пароходов из Крыма нет и нет...

Казаки, как всегда, чутьем знали, что идут красные. Толпы их уже усыпали возвышенности восточной стороны шоссе. Мы, офицеры, стояли вдаль. Проходит взвод красной конницы. Их посадка на кавалерийских седлах, их фуражки, их пышные чубы из-под фуражек и красные банты на груди гимнастеров так не гармонировали с казачьей толпой в несколько тысяч человек, сплошь в папах, в бешметах или в черкесках

нараспашку и... без оружия. Из-за поворота шоссе скоро показалась колонна пехоты. Два красноармейца несли на древках широкий красный плакат во всю ширину шоссе, исписанный белыми буквами. Что написано — издали не разобрать. За плакатом шел небольшой духовой оркестр, но он не играл. За ними колонна по четыре человека. Красноармейцы шли медленным, тяжелым, усталым шагом. В батальоне до 400 человек. Они шли молча, не глядя на казаков. Молча, глазами проводив их, казаки побрели к своим бивакам. “И этим ванькам мы сдались?” — услышала наша группа офицеров-лабинцев голос одного казака.

Наступили черные дни. Казаки голодали. Они выпрашивали хлеб у всех проходивших и проезжавших мимо биваков красных. Получен следующий приказ от генерала Морозова: “Все части будут пропускаться к Сочи не больше как по одной дивизии ежедневно, чтобы не загромождать путь и за невозможностью приготовить пищу, которая будет дана в Сочи или Туапсе”.

Никому не известны были мысли нового главнокомандующего генерала Врангеля. Возможно, он не верил, что из Крыма можно дойти до Москвы и свергнуть красную власть. Возможно, он думал об эвакуации Крыма, как неизбежности, так незачем ему было перебрасывать туда Кубанскую армию и 4-й Донской корпус до 60 тысяч человек с беженцами, которых он потом не сможет вывезти из Крыма, за отсутствием достаточной флотилии. Все это только догадки, но факт остается тот, что в самые трагические дни гибели Кубанской армии рука помощи из Крыма не была протянута.

24 апреля дошла очередь и до 2-й Кубанской казачьей дивизии идти в Сочи; как и всем предыдущим полкам — разобрать свое оружие, сложенное у шоссе, и сдать его потом в указанном пункте, а где — неизвестно. Дивизия состояла из шести конных полков: два Лабинских, два Кубанских, Корниловский конный и 2-й Сводно-Кубанский. Корниловский полк, как занимавший арьергардную позицию, при генерале Морозове, уже сдал свое оружие. Жуткий парадокс. Доблестный полк первым начал войну против красных и первым же сдал им свое оружие. Есть о чем подумать — как это могло случиться?!

Храбрая Лабинская бригада в 2700 шашек, при десятках пулеметов на линейках, выстроившаяся в последний раз по узкому лесистому, в валунах, ущелью, многочисленными своими ярусами сотен, прилепившихся или сгрудившихся на безлесных площадках и скатах, чтобы выступить в Сочи для сдачи своего оружия... Поздоровавшись с полками, произношу с глубокой грустью: “Ну, братцы, в поход... в последний поход. Дай Бог нам сил пережить это”. Сказал, снял папаху и перекрестился. Казаки последовали моему примеру.

Гладкое спокойное Черное море в то незабываемое утро ничего хорошо не обещало казакам. Сколько хватал глаз, везде в морской дали стояла лазурь мягких волн и... больше ничего. Не было видно на нем ни пароходного дымка на горизонте, ни даже рыбачьей лодки. словно все умерло кругом и до нашей казачьей трагедии никому не было дела. Думаю, впервые в своей истории полки шли без песен — хмурые, исхудалые сами, обтрепанные в своих черкесках, на исхудалых конях. Пройдя 25 верст, лабинцы остановились на ночлег там, где 2-я Кубанская дивизия остановилась после сдачи Сочи 15 апреля.

Прошло лишь 10 дней, но как все изменилось! Здесь, сидя у костра, щебетали сестры милосердия штаба дивизии, мечтая о Крыме или Грузии, куда мы скоро будем переброшены. Еще сохранился пепел от костра, но никаких угольев. Все истлело, погасло,

умерло. И этот погасший костер так явственно говорил о нас, брошенных на произвол судьбы... И мы, видимо, погаснем, истлеем, умрем — давила мысль на душу.

25 апреля головной 1-й Лабинский полк идет по шоссе между развесистых деревьев. По бокам шоссе я вижу груды винтовок, шашек, кинжалов. Меня останавливает пожилой красноармеец и вежливо спрашивает: “Вы будете начальник казаков?” Получив положительный ответ, он деловито говорит: “Это сдаточный пункт. Пушай ваши казаки, не слезая с лошадей, бросают по сторонам все свое оружие. А вы сдайте мне свой револьвер и бинокль”. Я протестую: бинокль — частная собственность.

“Не-ет... это есть военный предмет. Он нужен для армии. Красная армия нуждается в биноклях. Пожалуйста, сдайте. Вы не сумлевайтесь в нас. Я сам царский унтер-офицер и службу знаю. У нас порядок. Мы к этому стремимся. У нас в Красной армии служат многие старые офицеры”, — словоохотливо и вежливо говорит мне этот “царский унтер-офицер”, единственный человек “на сдаточном пункте”. Казаки слушают это и без моего приказания снимают с плеч свои винтовки, португалии шашек, снимают кинжалы с поясов и бросают в кучи оружия уже прошедших полков. Так произошла сдача оружия — просто и... позорно.

Наше шоссе под углом повернуло влево. Шоссе чуть поднимается к железнодорожному мосту. Повернувшись в седле назад, смотрю на длинную колонну казаков, и сердце забилось радостно, ласково, нежно к казакам и к казачьему конному строю, так мною любимому с детства. Я даже почувствовал томную приятность в своем существовании. Говорят, что приговоренный к смерти крепко спит перед казнью. Неведомая сила дала и мне перед концом нашего казачьего существования испытать некую горькую отраду.

Моя кобылица вдруг остановилась. Быстро повернувшись в седле вперед, увидел... увидел красноармейца в шлеме-шишаке с крупной красной звездой на нем. Красноармеец загородил мне дорогу, вытянув руки в сторону. “Слезайте!” — приказал он мне и указал влево от себя. В кустах стояла группа начальников. Иду к ним. Они смотрят на меня насмешливо. Один из них говорит мне: “Идите назад”. Несмотря на такой короткий “визит”, я увидел в кустах горное орудие, направленное вдоль шоссе на колонну казаков. Повернувшись, я уже не увидел своей кобылицы. Тут же казаки сами спешивались, схватывали с седел свои переметные сумы и бурки и спешно шагали вперед... а красноармейцы уводили их лошадей вниз, в широкий двор. Так была обезоружена Кубанская армия, оставшаяся часть 4-го Донского корпуса и Черкесская конная дивизия.

Необходимое пояснение. В пункте № 2 “о перемирии” сказано: “Всем добровольно сложившим оружие гарантируется жизнь и свобода. Разрешается разъехаться по домам всем казакам, гражданским лицам и беженцам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме привлеченных за преступления”. В пункте № 4 добавлено: “Кинжалы, серебряные шашки и дедовское холодное оружие остается на руках, при условии круговой поруки, что оно не будет обращено против советской власти”. Согласно пункту № 2, мы все предполагали, что офицеры и казаки немедленно же разъедутся по своим станицам и займутся каждый своим хозяйством. Кинжалы же и шашки оставили только генералам и штаб-офицерам. Все было обманом. Лошадей с седлами у всех отобрали перед Сочи, а кинжалы и шашки у старших офицеров отобрали в Туапсе. Надо отдать справедливость — никаких насилий и грабежа ни над кем не было. Гражданские лица и беженцы отпущены сразу же по своим станицам.

Все части, сохраняя полковую связь, толпами, пешим строем, с сумами на плечах и с бурками под мышкой, немедленно же отправлялись из Сочи в Туапсе. Никакого

довольствия. Из Туапсе громадными составами поездов доставили в Белореченскую, а оттуда так же пешим порядком в Екатеринодар. На удивление — никакого конвоя. Лишь один матрос на кабардинском коне под казачьим седлом “летал” по длинной ленте движущихся людей, выкрикивал что-то, но его никто не слушал, и он совершенно не придирался ни к кому. Часть казаков была направлена в Армавир, главная же масса сосредоточена была в Екатеринодаре, за Дубинкой, в больших дощатых и кирпичных сараях Стахова.

Лагерный режим был не строгий. Из станиц прибывали родичи с продуктами и свободно допускались в лагерь. Через несколько дней приказано генералам и штаб-офицерам построиться со своими вещами. Их, числом около восьмидесяти, отправили в ростовский концентрационный лагерь, в котором было много тысяч донских казаков после новороссийской катастрофы. Группу возглавил генерал Морозов на положении заключенного. Нами началась “разгрузка” не только что лагерей на Кубани, но разгрузка всей Кубани — офицеров и урядников “в далекие края”... Через 15 — 20 дней наша “Морозовская группа” старших кубанских офицеров была уже в Костроме, заключенная в крепкую губернскую тюрьму старого времени.

В августе в двух товарных вагонах нас перебрасывают в Москву. На товарном Рыбинском вокзале видим длиннейшие три состава товарных вагонов, наполовину с открытыми платформами, которые густо усеяны казачьими папахами. Охраны никакой. Бросились к ним. Радостная встреча с однополчанами и станичниками в течение двух дней стоянки. От них мы узнали, что во время десанта из Крыма на Кубань из всех лагерей извлекли всех офицеров, а из станиц — даже всех отставных стариков офицеров и военных чиновников и направляют неизвестно куда. Всех их около 6000 человек. С Кубани вывезли весь офицерский и урядничий состав. Судьба этих шести тысяч ужасна. Их перебросили в Архангельск, а оттуда на баржах вывезли вверх по Северной Двине и всех уничтожили.

В декабре 1920 года в Екатеринбурге в нашу лагерную казарму вошли пять человек в шинелях, в фуражках. Увидев нас в папахах, передний удивленно спросил: “Вы кубанские офицеры?.. Вас еще не расстреляли?”... В ответ на наше недоумение он рассказал: “Мы, офицеры Добровольческой армии, саперы, с Кубани ввезены в Архангельск, с шестью тысячами ваших офицеров. Оттуда их партиями отправляли на баржах вверх по Северной Двине и расстреливали. Возвращаясь назад с баржами, мы видели кровь на полу и на стенах барж, даже мозги, а в щелях стен — жуткие прощальные записки. Уничтожили всех. Нас помиловали и препроводили сюда, в ваш лагерь”.

Не этично было спрашивать — почему их помиловали? Догадка наша была такова, что они, как саперные офицеры, видимо, трассировали и руководили работами для рытья братских могил кубанским офицерам, за что и получили вознаграждение — остаться живыми. Видимо, они пережили много при этих сценах казни, так как их лица носили след запуганности и, рассказывая об этом нам, небольшой группе стоявших у дверей, говорили тихо, с оглядкой по сторонам. Мертвым не больно, но нам, современникам и оставшимся в живых, пережившим гибель Кубанской армии, очень больно все это знать.